

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА**

На правах рукописи

Ильина Юлия Игоревна

**УСИЛЕНИЕ ВЛИЯНИЯ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН НА
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В
РЕГИОНАЛЬНОМ И ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТАХ**

Специальность 5.5.4.

Международные отношения, глобальные и региональные исследования

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата политических наук

Москва – 2022

Работа выполнена на кафедре геополитики факультета глобальных процессов МГУ имени М.В.Ломоносова.

**Научный
руководитель**

– *Дробот Галина Анатольевна* –
доктор политических наук, профессор

**Официальные
оппоненты**

– *Князев Александр Алексеевич* –
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Центра евроазиатских
исследований Института международных
исследований Московского государственного
института международных отношений (университета)
Министерства иностранных дел Российской
Федерации

Мусаева Салихат Ибрагимовна –
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры востоковедения Дагестанского
государственного университета

Шарипов Урал Зиятудинович –
доктор политических наук,
главный научный сотрудник Центра исследования
общих проблем современного Востока Института
востоковедения Российской академии наук

Защита диссертации состоится «22» декабря 2022 г. в 16 часов 00 минут на заседании диссертационного совета МГУ.054.1 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119234, Ленинские горы, д. 1, стр. 13А, ауд. 632.

E-mail: alekseenko.oleg@hotmail.com

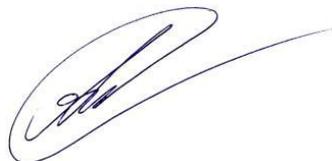
С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27), а также на сайте:

<https://dissovet.msu.ru/dissertation/054.1/2326>

<https://istina.msu.ru/dissertations/509864886/>

Автореферат разослан «__» ноября 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета МГУ.054.1,
кандидат политических наук

О.А. Алексеенко

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В настоящее время вопрос влияния Исламской Республики Иран на политические процессы в странах Ближнего Востока снова приобрел особую актуальность с началом событий «Арабской весны», приведшей к обострению внутривосточной обстановки во многих государствах региона.

На карте появились новые горячие точки, такие как Сирия и Ливия, а с 2015 г. к ним добавился и Йемен. Гражданский конфликт в Ираке, спровоцированный военным вторжением США 2003 г., снова перешёл в активную фазу. Ирак, Йемен и Сирия превратились в «поля сражений» опосредованных или «прокси-войн» между глобальными (США, Китай, Россия) и региональными акторами (Иран, Саудовская Аравия, Израиль).

Усилилась активность экстремистских организаций, таких как «Аль-Каида»¹, а также появилась новая ещё более мощная — «Исламское государство Ирака и Леванта»², которая стала не только угрозой безопасности для всех ближайших стран, но и всего мира.

Основными вызовами для Ирана стали:

во-первых, угроза проникновения экстремистов на территорию Ирана и проведение ими террористических акций, из-за неспособности Багдада эффективно противостоять «ИГ» и распространения влияния радикалов в приграничных с Ираном районах Ирака;

¹Организация «Аль-Каида» признана террористической в РФ решением Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г.

№ ГКПИ 03 116, сирийское отделение «Аль-Каиды», известное под названиями «Джабхат ан-Нусра лиль-Ахли Шам», «Джабхат ан-Нусра», а также «Хаят тахрир аш-Шам» — решением Верховного Суда от 29 декабря 2014 № АКПИ 14-1424С. В настоящей работе для обозначения сирийской «Аль-Каиды» применяется название «Джабхат ан-Нусра».

²Здесь и далее организация «Исламское государство Ирака и Леванта» (араб. Давлят аль-Ислами филь-Ирак ва аш-Шам, ДАИШ) и его правопреемница «Исламское государство» (араб. Давлят аль-Ислами) обозначаются аббревиатурой «ИГ». Данные организации признаны террористическими в РФ, их деятельность запрещена решением Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. №АКПИ14-1424С.

во-вторых, угроза усиления сепаратистских тенденций в иранском Курдистане, возникшая в связи с проведением референдума о независимости иракского Курдистана;

в-третьих, возможность утраты влияния на ситуацию в Ливане и ослабления деятельности «Хизбаллы» из-за перекрытия канала поставок оружия и боеприпасов через Сирию.

Несмотря на указанные угрозы изменение геополитической обстановки в регионе открыло и новые возможности:

во-первых, за счёт участия в гражданской войне в Сирии, Иран получил возможность усилить экономическое и военное присутствие в данной стране;

во-вторых, посредством создания многочисленных парамилитарных формирований в Ираке, оказавших эффективную помощь армии в освобождении страны от «ИГ», Иран получил возможность расширения сферы влияния, в том числе, за счет ослабления влияния США;

в-третьих, идейно-политически поддерживать хуситов в Йемене, что позволило бы отвлечь внимание Саудовской Аравии и её союзников из числа монархий Персидского залива, заставив их ослабить военную и политическую поддержку сирийской оппозиции.

Реализация данной политики привела к дальнейшему ухудшению отношений между Саудовской Аравией и Ираном. Тем не менее, данное противостояние имеет невысокие шансы перейти в прямое военное столкновение между странами. Оно развивается в форме опосредованной или «прокси-войны», основными театрами которой являются Сирия, Ирак и Йемен. Исход этого противостояния будет иметь решающее значение для будущего Ближнего и Среднего Востока.

Региональный аспект рассматриваемой темы определяется ролью Ирана, которую, можно было бы охарактеризовать как региональную державу с

амбициями региональной сверхдержавы³. Исламская Республика, наряду с Саудовской Аравией и Израилем, является одним из явных региональных лидеров по целому ряду показателей, таких как территория, население, экономическая и военная мощь, реализует данный потенциал для усиления своей роли в ряде региональных конфликтов, рассматриваемых в данной работе.

Глобальный аспект определяется активным участием «сверхдержав (мировых держав)» и «великих держав» в политических и экономических процессах, происходящих на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Под «сверхдержавами» следует понимать США, Китай и Россию, имеющих существенные экономические и политические интересы в регионе и взаимодействующих со всеми региональными акторами с целью создания выгодной для себя геополитической конфигурации⁴.

С учетом наличия в научном обороте большого объема работ, посвященных внешней и внутренней политике Ирана до 1979 г., хронологические рамки исследования ограничены 1979-2021 гг.

Степень разработанности темы. Среди общих работ по геополитике необходимо выделить работу Х. Маккиндера «Географическая ось истории»⁵. Он ввёл понятие «Хартленда» - центра Евразийского континента, контроль над которым — ключ к мировому господству. Теория Маккиндера является основополагающей для данного исследования. По вопросу критериев исторической периодизации процесса эволюции внешнеполитической стратегии Ирана автор использовал работу Р.К. Рамазани⁶.

³Васильев С. В. Геополитические акторы: сущность и типология//Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2013. № 1 (112). С. 174-177.

⁴Там же.

⁵MacKinder, H.J. The Scope and Methods of Geography and the Geographical Pivot of History. London: Royal Geographical Society, 1951, 44 p.

⁶Ramazani R. K. Independence without Freedom: Iran's Foreign Policy. Charlottesville: University of Virginia Press, 2013, 400 p.

В тоже время, необходимо отметить работы современных исследователей, в частности, диссертацию Д.А. Манукяна⁷, монографии Т. Жюно⁸ и Ш. Хантер⁹, посвящённые использованию неореалистского подхода к анализу внешней политики Исламской Республики.

Изучение политического влияния Ирана не возможно без хотя бы поверхностного анализа религиозно-идеологических основ Исламской Республики. Отмечая особую роль ислама в политических процессах стран Ближнего Востока, следует отметить ряд классических работ советского периода, в частности, М.Т. Степанянц¹⁰ и Е.А. Дорошенко¹¹.

Дискуссия по поводу идеологии и внешнеполитической доктрине постреволюционного Ирана представлена в работах Р.М. Хомейни¹², А. Суруша¹³, М. Базаргана¹⁴, статьях А. Шариати¹⁵. Изучая данную тематику, следует также обратиться к трудам современных исследователей: В. Бимана¹⁶ и М. Фишера¹⁷.

Эволюция внешнеполитической доктрины Ирана весьма подробно описана в диссертационном исследовании видного отечественного ираниста

⁷Манукян Д.А. Политика Ирана на Ближнем Востоке в условиях глобализации: диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук: 23.00.04; [Место защиты: С.-Петербург. гос. ун-т]. Санкт-Петербург, 2010, 216 с.

⁸Juneau T. Squandered Opportunity: Neoclassical Realism and Iran's Foreign Policy. Stanford: Stanford University Press, 2015, 296 p.

⁹Hunter S. Iran's Foreign Policy in the Post-Soviet Era: Resisting the New International Order. Denver: ABC-CLIO, 2010. 316 p.

¹⁰Степанянц М.Т. Мусульманские концепции в философии и политике в XIX-XX вв., М.: Наука, 1982. 243 с.

¹¹Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в двух революциях: 1905-1911 и 1978-1979 гг. М.: ИВ РАН, 1998. 238 с.

Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в современном Иране. М.: Наука, 1985. 234 с.

¹²ولایت فقیه (حکومت اسلامی). امام خمینی

URL: http://ketaab.iec-md.org/HOKOOMAT_ISLAM/welaayat_faqih_khomeini_01.html#1(дата обращения — 22.09.2022)

¹³Soroush A. Reason, Freedom and Democracy in Islam: Essential Writings of Soroush A. New York: Oxford University Press, 2000, 256 p.

¹⁴1377/1998 مهدی بازرگان. مجموعهات عثار مهدیس مهدی بازرگان. تهران: انتشارات قلم،

¹⁵Shariati A. Expectation from Muslim woman. URL: <http://www.shariati.com/kotob.html>(дата обращения — 22.09.2022)

Shariati A. Selection or Election. URL: <http://www.shariati.com/kotob.html>(дата обращения — 22.09.2022)

Shariati A. Red Shieism vs. Black Shieism. URL: <http://www.shariati.com/kotob.html>(Дата обращения — 22.09.2022)

¹⁶Beeman W.O.The Great Satan Vs. the Mad Mullahs: How the United States and Iran Demonize each other.Chicago: University of Chicago Press, 2008, 294 p.

¹⁷M. Fischer, Iran: From Religious Dispute to Revolution Wisconsin: University of Wisconsin Press, 2003, 360 p.

В.И. Юртаева¹⁸. Автор анализирует, в частности, наследие имама Хомейни, аятоллы Мотаххари, нынешнего высшего руководителя Ирана (рахбара) аятоллы Хаменеи.

Все современные исследователи, такие как Р.К. Рамазани и Ф. Малек-Ахмади¹⁹ отошли от подхода к Ирану как к государству «мулл и чадор», которому чужда рациональная политика. Авторы традиционно выделяют две (иногда три) группы влияния в иранской правящей элите, каждая из которых имеет собственную социальную базу, экономические и политические интересы.

Вопросы практической реализации внешнеполитической доктрины Ирана, её эволюция рассмотрены в вышеупомянутых работах: диссертации В.И. Юртаева, монографиях Р.К.Рамазани, Т. Жюно и Ш. Хантер. Авторы констатируют, что внешняя политика Исламской Республики претерпевала серьёзные изменения с 1979 г., тем не менее, периодизация этапов развития внешнеполитической стратегии Ирана, их хронология разнятся.

Конкретным аспектам иранского влияния в Ираке в конце XX — начале XXI в. посвящен достаточно узкий круг работ, среди которых наиболее актуальными являются труды Ю.В. Мотовилова²⁰, П. Разу²¹, П. Левитта²², диссертации Д.А. Манукяна²³, статьи Л.М. Кулагиной и В.М. Ахмедова²⁴, Т.

¹⁸Юртаев В.И. Особенности и реализация внешней политики Исламской Республики Иран в 1979-2010 гг. : диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук : 07.00.15/Юртаев Владимир Иванович; [Место защиты: Российский университет дружбы народов]. - Москва, 2012. 439 с.

¹⁹Malek-Ahmadi F. Democracy and Constitutional Politics in Iran: A Weberian Analysis. New York: Springer, 2016. 221 p.

²⁰Мотовилов Ю.В. Особенности выработки и осуществления региональной политики Исламской Республики Иран в условиях глобализации: диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук: 23.00.04. Нижний Новгород, 2005. 271 с.

²¹Razoux P. The Iran-Iraq War. New York: Harvard University Press, 2015. 580 p.

²²Levit M. Hezbollah: The Global Footprint of Lebanon's Party of God. London: Hurst Publishers, 2013, 407 p

²³Манукян Д.А. Политика Ирана на Ближнем Востоке в условиях глобализации: диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук: 23.00.04; [Место защиты: С.-Петербург. гос. ун-т]. Санкт-Петербург, 2010, 216 с.

²⁴Кулагина Л.М., Ахмедов В.М. Ирано-арабские отношения в условиях «арабской весны» на Ближнем Востоке//Иран при М. Ахмадинежаде. Памяти А.З. Арабаджяна. М.: ИВ РАН, Центр стратегической конъюнктуры, 2013, 220 с. С. 107-116.

Кулагина Л., Ахмедов В. Новые тенденции в ирано-сирийских отношениях //ИРАН: история и современность/Под ред. Л.М. Кулагиной, Н.М. Мамедовой; Сост. И.Е. Федорова, Л.М. Раванди-Фадаи. М.: ИВ РАН; Центр стратегической конъюнктуры, 2014. 316 с. С. 252-258.

Доджа²⁵, А. Дж. Ат-Тамими²⁶, Й. Дризена²⁷, М. Эйнштадт²⁸. Для исследования данного вопроса является полезной и упоминавшаяся ранее диссертация В.И. Юртаева. Однако отметим, что данные работы не останавливаются подробно на политике Ирана в Ираке, рассматривают её «вскользь», либо посвящены главным образом изучению событий 1980-90-х гг.

Курдский фактор освещается, в частности в подробной биографии Мустафы Барзани²⁹, размещённой на сайте курдской общины Украины, а также в статьях А. Маковского³⁰, Дж. Хилтермана³¹, Н. Энтессара³², Н. Денис³³.

При этом, следует отметить, высокую динамику исторического процесса на Ближнем Востоке, связанной с событиями Арабской весны 2011 г., захватом «ИГ» северной части Ирака в 2014 г. и последовавшим освобождением территории страны от указанной террористической организации, в том числе, с участием проиранских парамилитарных формирований. Данные вопросы освещены в работах К. Банзеля³⁴, Аль-Мдареса³⁵. Военным операциям армии США в ходе операции «Свобода Ираку» против «Аль-Каиды» (2003-2005 гг.),

²⁵Dodge T. The causes of US failure in Iraq//Survival № 49(1). London: Taylor and Francis, 2007.P. 85-106.

²⁶Al-Tamimi A. J., Jonathan K. Iran And ISIS — Convenience Is The Enemy Of Research Aymen Al-Tamimi, 2014. URL: <http://www.aymennjawad.org/15039/iran-and-isis-convenience-is-the-enemy-of-research>(дата обращения — 22.09.2022 года).

Al-Tamimi A. J. Iraq: Playing the Sectarian Crisis Card. Aymen Al-Tamimi, 2013. URL: <http://www.aymennjawad.org/12733/iraq-sectarian-crisis>(дата обращения — 22.09.2022 года).

²⁷Dreazen Y. Maliki Used to Have the Support of Both Iran and the U.S. Now He's Lost Them Both. Foreign Policy, 2014. URL: <https://foreignpolicy.com/2014/08/13/maliki-used-to-have-the-support-of-both-iran-and-the-u-s-now-hes-lost-them-both/>(дата обращения — 22.09.2022 года).

²⁸Eisenstadt, M. Iran and Iraq. The Iran Primer, 2015. URL: <http://iranprimer.usip.org/resource/iran-and-iraq>(дата обращения — 22.09.2022 года).

²⁹Мустафа Барзани (биография). <http://www.kurdistan.com.ua/barzani-001>(дата обращения — 22.09.2022 года).

³⁰Makovsky A. Kurdish Agreement Signals New U.S. Commitment. The Washington Institute, 1998. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/kurdish-agreement-signals-new-u.s.-commitment>(дата обращения — 22.09.2022 года).

³¹Hilterman, J.The 1988 Anfal Campaign in Iraqi Kurdistan. SciencesPo, 2008. URL:<http://www.sciencespo.fr/mass-violence-war-massacre-resistance/fr/document/1988-anfal-campaign-iraqi-kurdistan>(дата обращения — 22.09.2022 года).

³²Entessar. N. The Kurdish Factor in Iran-Iraq Relations, Middle Eastern Institute, 2009. URL: <http://www.mei.edu/content/kurdish-factor-iran-iraq-relations>(дата обращения — 22.09.2022 года)

³³Denise N. Iraqi Kurdistan Was Never Ready for Statehood. The Foreign Policy, 2017. URL: <http://foreignpolicy.com/2017/10/31/iraqi-kurdistan-was-never-ready-for-statehood/>(дата обращения — 22.09.2022 года).

³⁴Bunzel C. From Paper State to Caliphate: The Ideology of the Islamic State. New York: Center for Middle Eastern Policy of Brookings, 2015, 48 p.

³⁵Mdaires, Al, F. A. Islamic Extremism in Kuwait: From the Muslim Brotherhood to Al-Qaeda and other Islamist political groups. New York: Routledge, 2010. 304 p.

проводимых в г. Фаллуджа и г. Самарра посвящена монография Д.П. Райта³⁶, а также статья Й. Бассиля³⁷.

Для понимания эволюции иракских шиитских религиозно-политических организаций, следует обратиться к труду М. Гидера³⁸ по истории исламского фундаментализма, статье К. Салмони, посвящённой биографии Абдул Азиза Аль-Хакима³⁹, а также статье А.И. Ахрама⁴⁰ по добровольческим вооружённым формированиям в Ираке.

В этой связи следует упомянуть и статью Б. Уоллеса⁴¹, посвящённую различным аспектам создания «Сил народной самообороны» Ирака («Хашд аш-Шааби»), в частности иностранным бойцам данных отрядов.

В целом, исследования современных (XXI в.) ирано-иракских отношений, носят в основном узконаправленный характер, то есть посвящены политике США в Ираке или борьбе с терроризмом. В то же время нельзя не отметить и политизированность работ, распространённость в них определённых пропагандистских штампов, имеющих крайне слабую доказательную базу, либо вообще не имеющих таковой.

Те же аргументы можно привести и в отношении изучения политического влияния Ирана в Сирии. Монографических работ по данной теме не много, среди них можно отметить труды Б. Шеллер⁴², Н. фон Мальцан⁴³, Дж. М.

³⁶Wright D.P. ON POINT II: Transition to the New Campaign. The United States Army in Operation IRAQI FREEDOM May 2003-January 2005. URL: <https://www.globalsecurity.org/military/library/report/2008/onpoint/chap08-06.htm>(дата обращения — 22.09.2022 года).

³⁷Bassil Y. The 2003 Iraq War: Operations, Causes, and Consequences. IOSR Journal Of Humanities And Social Science (JHSS) Volume 4, Issue 5 (Nov. - Dec. 2012), New York: 2012. P..29-47

³⁸Sulmoni C. Abdul Aziz al-Hakim: a heavy heritage. Study and Research Center for Arab and Mediterranean World, 2008. URL:

https://web.archive.org/web/20131215024702/http://www.cermam.org/en/logs/portrait/abdul_aziz_alhakim_a_heavy_her_1/(дата обращения — 22.09.2022 года).

³⁹Guidère M. Historical Dictionary of Islamic Fundamentalism. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2017. 650 p.

⁴⁰Ahram A. I., Wehrey F. Harnessing militia power: Lessons of the Iraqi National Guard. Brookings Institute, 2015. URL: <https://www.brookings.edu/blog/markaz/2015/05/27/harnessing-militia-power-lessons-of-the-iraqi-national-guard/>(дата обращения — 22.09.2022 года).

⁴¹Wallace B. Foreign Fighters Among the Hashd al-Shaabi. The Washington Institute, 2017. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/fikraforum/view/foreign-fighters-among-the-hashd-al-shaabi>(дата обращения — 22.09.2022 года).

⁴²Scheller B. The Wisdom of Syria's Waiting Game: Foreign Policy under the Assads. London: Hurst, 2014. 256 p.

Гударзи⁴⁴, а также коллективную работу В. Фултона, Дж. Холлидея, С. Ваера⁴⁵. Они освещают в целом характер ирано-сирийского союза, его специфику, связанную с его геополитическими предпосылками и идеологическими различиями между двумя государствами. Здесь следует отметить, что в данных работах не отражены изменения, произошедшие после начала гражданской войны в Сирии в 2012 г.

Отдельного внимания заслуживает работа Р. Пантуччи и А. Табризи⁴⁶ посвящённая роли Ирана в Сирии. В данном исследовании авторы пытаются оценить характер военного присутствия Исламской Республики в Сирии, а также оценить роль Тегерана в данном конфликте для других государственных и негосударственных акторов, в т.ч. России, стран Персидского Залива, вооружённой сирийской оппозиции.

Исследованию политики Ирана в Йемене посвящены статьи Т. Жюно⁴⁷, Т. Басу⁴⁸, Б. Риделя⁴⁹, К. Бусека⁵⁰. Военным операциям Саудовской Аравии против хуситов посвящена статья А. Маккрегора⁵¹. В целом данные работы описывают эволюцию ирано-йеменских отношений, но достаточно поверхностно. Кроме того, они не содержат достаточной фактической базы, чтобы сделать более или

⁴³Maltzahn N. *The Syria-Iran Axis: Cultural Diplomacy and International Relations in the Middle East*. New York: I.B. Tauris & Co, 2010. 225 p.

⁴⁴Goodarzi J. M. *Syria and Iran: Diplomatic Alliance and Power Politics in the Middle East*. London, New York: I. B. Tauris, 2009. 376 p.

⁴⁵Fulton W., Holliday J., Weyer S. *Iranian Strategy in Syria*, Institute of Studies of War, New York, 2013. 43 p.

⁴⁶Pantucci R., Tabrizi A. *Understanding Iran's Role in the Syrian Conflict*. London: RUSI, 2016, 60 p.

⁴⁷Juneau T. Iran's policy towards the Houthis in Yemen: A limited return on a modest investment.// *International Affairs* (May 2016). ReseachGate, 2017. URL: https://www.researchgate.net/publication/302064592_Iran's_policy_towards_the_Houthis_in_Yemen_A_limited_return_on_a_modest_investment(дата обращения — 22.09.2022 года).

⁴⁸Basu T. Who Are the Houthis? *The Atlantic Council*, 2015. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2015/04/who-are-yemen-houthis/390111/>(дата обращения — 22.09.2022 года).

⁴⁹Riedel B. Who are the Houthis, and why are we at war with them? *Brookings*, 2017. URL : <https://www.brookings.edu/blog/markaz/2017/12/18/who-are-the-houthis-and-why-are-we-at-war-with-them/>(дата обращения — 22.09.2022 года).

⁵⁰Boucek C. *War in Saada from insurrection to National Challenge*. Washington D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2011. 26 p.

⁵¹McGregor A. *Saudi Military Operations along the Yemen Border Repel Houthist Incursion*. The Jamestown Foundation, 2010. URL: <https://jamestown.org/program/saudi-military-operations-along-the-yemen-border-repel-houthist-incursion/>(дата обращения — 22.09.2022 года).

менее точные выводы в отношении объёма иранской военной помощи, а следовательно, и степени влияния Тегерана на йеменских повстанцев.

В этой связи следует обратиться к исследованиям технологически продвинутых вооружений повстанцев, которые могли быть переданы Ираном — исследованиям вышеупомянутой организации «Исследования вооружения конфликтов»⁵², а также статье Э. Туомала⁵³, посвящённой баллистическим ракетам хуситов. При всём интересе, которые представляют данные работы, к их выводам следует относиться осторожно и критично, в связи с сильной политизацией событий, происходящих в Йемене.

Изучать внешнюю политику Ирана на Ближнем Востоке невозможно без анализа политики США в регионе. В данном ключе следует обратиться к монографиям У.З. Шарипова⁵⁴, К. Эмери⁵⁵. Отдельно следует упомянуть монографию и статьи И.Е. Фёдоровой⁵⁶. Данные работы ценны тем, что автор анализирует взаимосвязь внутрииранских политических процессов с эволюцией ирано-американских отношений.

Отметим также диссертационные исследования С.Н. Бурцева⁵⁷ и А.И. Шумилина⁵⁸, в которых проводится сравнительный анализ внешнеполитических доктрин США и России.

⁵²Conflict Armament Research (2017). Anatomy of a «drone boat». <http://www.conflictarm.com/publications/>(дата обращения — 22.09.2022 года).

Conflict Armament Research (2017). Iranian technology transfers to Yemen. URL: <http://www.conflictarm.com/publications/>(дата обращения — 22.09.2022 года).

⁵³Tuomala E. Houthis. Missile Defense Advocacy Alliance, 2018. URL: <http://missiledefenseadvocacy.org/missile-threat-and-proliferation/todays-missile-threat/non-state-actors/houthis/>(дата обращения — 22.09.2022 года).

⁵⁴Шарипов У.З. Концепция «Большого Ближнего Востока в действии». М.: ИВ РАН, 2013. 376 с.

⁵⁵Emery C. US Foreign Policy and the Iranian Revolution: The Cold War Dynamics of Engagement and Strategic Alliance. New York: Palgrave Macmillan, 2013. 267 p.

⁵⁶Федорова И.Е. Иран - США: Диалог и противостояние. М.: Институт востоковедения РАН, 2004. 141 с.

Федорова И.Е. Америко-иранские отношения в период президента М. Ахмадинежада//Иран при М. Ахмадинежаде. Памяти А.З. Арабаджяна. М.: ИВ РАН, Центр стратегической конъюнктуры, 2013. 220 с. С.81-91.

⁵⁷Бурцев С.Н. Иранский фактор во взаимоотношениях России и США на Ближнем Востоке и в Центральной Азии: диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук: 23.00.04; [Место защиты: Дипломат. акад. МИД РФ]. - Москва, 2014. 182 с.

⁵⁸Шумилин А.И. Взаимодействие стратегий России и США на Большом Ближнем Востоке: проблемы сотрудничества и соперничества: диссертация на соискание учёной степени доктора политических наук: 23.00.04 [Место защиты: Ин-т Соединённых штатов Америки и Канады РАН]. Москва, 2009. 435 с.

Ценные сведения о проблемах американской политики на Ближнем и Среднем Востоке содержатся в отчёте Совета по международным делам под редакцией З. Бжезинского⁵⁹, а также в коллективном докладе по Ирану, подготовленном группой исследователей Института Брукингса⁶⁰. Данные работы дают относительно объективную оценку иранской «проблеме», в том виде, в котором она воспринимается в политических кругах и экспертном сообществе США и способам её решения.

При всех достоинствах вышеупомянутых работ, они не рассматривают американскую политику в отношении Ирана с точки зрения саудовского и израильского лобби, весьма сильных в Вашингтоне. Кроме того, недостаточно изучены новейшие изменения в ирано-иракских отношениях (XXI в.)

Ирано-российскому сотрудничеству посвящены статьи С.Б. Дружиловского⁶¹, Е.В. Дунаевой⁶², М. Тишьяр⁶³. В первой статье рассматривается общая динамика развития двухсторонних отношений. При этом, автор делает вывод о стратегическом характере ирано-российских отношений, важный для подтверждения исследовательской гипотезы настоящего исследования. Его выводы подтверждаются и материалами, приводимыми в вышеупомянутой диссертации В.И. Юртаева. Статьи Е.В. Дунаевой и М. Тишьяр посвящены проблеме развития культурных связей между Россией и Ираном.

⁵⁹Brzezinski Z., Gates R. M., Maloney S. Iran: Time for a New Approach. New York: Council on Foreign Relations, 2004. 100 p.

⁶⁰Pollack K. M., Vyman D.L., Indyk M. et al. What path to Persia? Options for a New American Strategy toward Iran. New York: Brookings Institute, 2009. 170 p.

⁶¹Дружиловский С.Б. Российско-иранские отношения после создания Исламской Республики Иран//Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы/Под ред. Е.В. Дунаевой, В.И. Сажина. М.: ИВ РАН, 2015. 260 с. С.25-36.

⁶²Дунаева Е.В. Россия и Иран: культурный аспект взаимодействия//Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы/Под ред. Е.В. Дунаевой, В.И. Сажина. М.: ИВ РАН, 2015. 260 с. С.124-139.

⁶³Тишьяр М. О развитии ирано-российского сотрудничества. Россия и Иран: культурный аспект взаимодействия//Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы/Под ред. Е.В. Дунаевой, В.И. Сажина. М.: ИВ РАН, 2015. 260 с. С. 20-25.

Диссертация Г.Р. Муртазаевой⁶⁴ освещает историю развития ирано-советских и ирано-российских отношений. Однако в данных работах не рассматривается, каким образом политика США сказалась на политическом влиянии Ирана в регионе.

Ирано-китайское сотрудничество в военно-технической, ядерной и нефтегазовой сферах освещено в коллективной работе М. Дэвис, Дж. Леки, Дж. Фрошера⁶⁵, статьях Э. Скотт⁶⁶, М. Паргу⁶⁷, М. Моханти⁶⁸. Данный вопрос освещается фрагментарно и неполно в связи с недостатком информации и её противоречивостью, что требует обращения к специализированным информационным ресурсам военной и экономической направленности.

Вышеуказанные исследования за редким исключением посвящены описанию отдельных событий российско-иранских отношений и не выявляют общей парадигмы их развития. Для наиболее чёткого понимания закономерностей эволюции отношений Москвы и Тегерана в новейшую эпоху необходимо выйти за рамки двухсторонних отношений и рассматривать ирано-российские, ирано-американские и ирано-китайские отношения одновременно, выделяя общие закономерности и частные явления, влияющие на геополитическую роль Исламской Республики на Ближнем Востоке.

Таким образом, при анализе вышеуказанной литературы автором установлено, что вопрос об усилении политического влияния Ирана в Ираке, Йемене и Сирии и его взаимосвязи с региональными и глобальными политическими процессами остается малоизученным.

⁶⁴Муртазаева Г.Р. Советско/российско-иранские отношения в 1979—2008 гг.: этапы и специфика внешней политики СССР и России: диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук: 07.00.02[Место защиты: Волгоградский государственный университет].Волгоград, 2014. 253 с.

⁶⁵Davis M., Lecky J., Froscher J. et al. China-Iran: A Limited Partnership. US-China Economic and Security Review Commission, 2013. 95 p.

⁶⁶Scott E. Defying Expectations: China's Iran Trade and Investments. Middle Eastern Institute, 2016.URL: <https://www.mei.edu/publications/defying-expectations-chinas-iran-trade-and-investments>(дата обращения — 22.09.2022 года).

⁶⁷Pargoo M. What Does Iran Really Think of China? The Diplomat, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/11/what-does-iran-really-think-of-china/>(дата обращения — 22.09.2022 года).

⁶⁸Mohanty B. China in Afghanistan: Security, regional standing, and status. ORF Online, 2017. URL: <https://www.orfonline.org/research/china-afghanistan-security-regional-standing-status/>(дата обращения — 22.09.2022 года).

Целью исследования является выявление причин последовательного усиления политического влияния Исламской Республики Иран в Ираке, Йемене, Сирии, а также взаимосвязи этого процесса с политикой глобальных (США, Китай, Россия) и региональных (Израиль, Саудовская Аравия) акторов на Ближнем Востоке.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие **задачи**:

1. изучить факторы, предопределившие особенности политической системы Исламской Республики Иран.

2. выявить специфику внешнеполитической доктрины Ирана, включая её традиционные и инновационные элементы, а также обосновать периодизацию эволюции внешнеполитической стратегии Ирана в период 1979-2018 гг.

3. проанализировать факторы, оказавшие решающее влияние на ирано-иракские отношения, выявить причины усиления иранского влияния в Ираке после американского вторжения в 2003 г., а также установить степень данного влияния на внутрииракские политические процессы.

4. изучить специфику ирано-сирийского союза, степень вовлеченности Исламской Республики в гражданский конфликт в Сирии на различных его этапах (2011-н.в.), а также степень политического влияния Тегерана на политику Дамаска.

5. раскрыть участие Ирана в гражданском конфликте в Йемене, определить степень влияния Исламской Республики на политические процессы в данной стране, в частности на политику шиитских повстанцев (хуситов).

6. выявить взаимосвязь между эволюцией внешнеполитической стратегии Ирана и изменением внешней политики США на Ближнем и Среднем Востоке в свете активности израильского и саудовского лобби в Вашингтоне.

7. проанализировать цели, характерные черты, а также основные сферы ирано-российского и ирано-китайского сотрудничества.

Объектом исследования являются политические процессы в ряде стран

Ближнего Востока (Сирийская Арабская Республика, Республика Йемен), связанные с формированием и реализацией внешнеполитической стратегии Исламской Республики Иран.

Предметом исследования является процесс формирования и воплощения в жизнь внешнеполитической стратегии Исламской Республики Иран, включая факторы определившие качественное усиление роли Ирана во внутривосточных процессах традиционного союзника — Сирии, расширение сферы влияния ИРИ на страны ранее в неё не входившие (Ирак, Йемен), характер и степень влияния на указанный процесс глобальных акторов — США, Китая и России.

Исследовательская гипотеза. После Исламской Революции 1979 г. была сформулирована новая внешнеполитическая стратегия, сочетающая инновационные и традиционные черты. Её реализация способствовала росту иранского влияния на Ближнем и Среднем Востоке, а также сближению с Китаем и Россией.

Научная новизна заключается в следующих конкретных результатах, полученных автором в ходе исследования:

1. автором изучено соотношение традиционных и инновационных элементов внешнеполитической доктрины Исламской Республики Иран. Иранские «реформаторы» делают акцент на традиционный принцип «равноудаленности» от сверхдержав, ведению внешней политики методами «мягкой силы», тогда как «консерваторы» отдают предпочтение принципу защиты интересов мусульман и шиитов, в частности, считают, что Иран должен усиливать свою региональную роль, в том числе с использованием военной мощи.

2. предложено авторское обоснование хронологии развития внешнеполитической стратегии Ирана, сочетающее исторический метод и неореалистский подход. Смена периодов обусловлена чередованием «консервативных» и «реформистских» президентов, а также большинства в

парламенте, которое происходит под воздействием как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических факторов, в том числе обусловленных политикой глобальных акторов.

3. выявлены и изучены приоритеты иранской внешней политики в отношении Ирака, Йемена и Сирии, подробно раскрыта военная составляющая, рассмотрены новейшие тенденции в двухсторонних отношениях. Главная задача — создание зоны безопасности вокруг страны из государств, близких Тегерану по своим геополитическим целям. Иран либо создает в данных государствах лояльные политические или военно-политические организации (Ирак), либо устанавливает партнерские отношения с существующими (Йемен), либо использует собственные войска для защиты лояльного режима.

4. доказана взаимозависимость усиления иранского влияния в Ираке, Йемене и Сирии с системными недостатками политики США в отношении Ближнего и Среднего Востока. В XXI в. Вашингтон предпринял значительные усилия по смене режимов в нелояльных странах Ближнего и Среднего Востока, а также поддерживал подобные действия со стороны своих союзников. Это привело к развитию неуправляемых центроостремительных политических процессов в Ираке, Сирии, Йемене, грозящих дезинтеграцией данных государств, взрывному росту политического и религиозного экстремизма, который стал не только региональной, но и глобальной угрозой.

5. рассмотрено влияние израильского и саудовского лобби на принятие стратегических внешнеполитических решений США по отношению к Ирану. Деятельность данных лобби усиливала влияние «ястребов» на американской политической арене, способствовала проведению авантюрных военно-политических операций по осуществлению «цветных» революций на Ближнем Востоке и, в конечном итоге, несла угрозу интересам США.

6. проанализированы новейшие тенденции в ирано-российских отношениях. Вмешательство России в гражданский конфликт, значительно способствовало укреплению двухсторонних отношений, несмотря на элементы

конкуренции. Интенсифицировалась работа по реализации проектов в сфере энергетики, транспорта, значительно увеличился торговый оборот.

7. проанализированы новейшие тенденции в ирано-китайских отношениях, показана динамика расширения сфер экономического сотрудничества, с учётом участия Ирана в конфликтах в Ираке, Йемене, Сирии. Специфика политики Китая заключалась в том, что он отдавал предпочтение «мягкой силе», в отличие от России, которая закрепляла свое влияние в регионе, прежде всего, военным путём. Тем не менее, Китай играет важнейшую роль в усилении военно-технического потенциала Исламской Республики, что способствует росту её региональных геополитических амбиций.

Теоретическая значимость работы состоит в значительном расширении знаний в области практической реализации внешнеполитической доктрины Исламской Республики Иран, формировании чёткого понимания механизмов, потенциала и пределов усиления политического влияния Ирана.

В данной работе было использовано множество источников, в том числе на русском, английском, персидском и арабском языках, что позволило выработать взвешенный подход к описываемым событиям, несмотря на крайнюю политизированность информации о происходящем в регионе.

Практическая значимость работы заключается в том, что настоящее исследование может быть использовано в качестве основы для подготовки курсов лекций, учебных пособий по регионоведению, теории международных отношений, мировой политике, а также в качестве справочного материала для сотрудников органов государственной власти и управления РФ. Настоящая работа может быть также использована как источник информации для других научных исследований в области политологии, истории, журналистики, сотрудниками органов государственной власти, должностными лицами коммерческих и некоммерческих юридических лиц, осуществляющих сотрудничество с государственными и негосударственными организациями ИРИ в качестве справочного материала, а также иными заинтересованными

лицами.

Методологической основой работы является совокупность общих и специфических методов исследования и анализа. Данная работа носит теоретический характер, эмпирические методы в ней не применялись.

В ходе изучения нормативных актов, философско-религиозных трудов и иных письменных источников использовались методы анализа и синтеза, а также аналогии.

Методы индукции, дедукции, аналогии применялись при анализе исторического материала, связанного с деятельностью политических акторов различного уровня. Данные методы позволяют выделить общие тенденции, присущие внешнеполитической стратегии Тегерана, такие как, например, «шиитский» фактор в политике Исламской Республики.

В работе широко используется исторический метод, в соответствии с которым развитие внешнеполитической стратегии Исламской Республики Иран изучается поступательно, в его исторической последовательности, с учетом внутренних и внешних детерминант.

При рассмотрении особенностей государственного механизма Ирана, а также других государств использовались институциональный и структурно-функциональный подходы.

Системный подход, который был применён для анализа влияния на внешнеполитическую доктрину и стратегию Ирана политики США, Китая и России на Ближнем Востоке, а также для изучения взаимовлияния между политикой Тегерана и других региональных держав — Саудовской Аравии и Израиля.

При анализе внешней политики Ирана в Ираке, Йемене и Сирии автор использовал неореалистский подход, объясняющий поведение государств на международной арене стремлением к власти, практически не придавая значения идеологическим и институциональным факторам.

В целях придания большей объективности исследованию, автор

сознательно отказался от применения конструктивистского подхода, гиперболизирующего значение идеологии и идентичности в поведении государств.

Положения, выносимые на защиту:

1. Специфика политической системы Ирана определяется концепцией «вилаят-е-факих» (правление богослова), положенной в основу Конституции 1979 г. и иных нормативно-правовых актов, сформулированной Р.Х. Хомейни и рядом его сподвижников и представляющей собой интерпретацию норм исламской этики и права в традиции имамитской (джафаритской) школы права (мазхаба), позволяющей иранским шиитским богословам высшей иерархии (аятолла, аятолла-оль-узма) сосредоточить в своих руках процесс принятия ключевых внутри- и внешне политических решений, путём избрания из своей среды главы государства — «духовного лидера» («рахбара»).

Широкие полномочия главы государства компенсируются властью президента и парламента, избираемых на прямых выборах. Такая конфигурация дает возможность для выражения своего мнения различных политических групп, которые условно можно разделить на два лагеря: «реформаторов» («умеренных») и «консерваторов». Эти силы находятся в постоянном противоборстве, однако обе разделяют идею исламского государства и концепцию «вилаят-е-факих».

2. Специфика внешнеполитической стратегии Исламской Республики Иран определяется двумя факторами: идеологическим и геополитическим.

Идеологический фактор, значение которого резко усилилось после смены режима в 1979 г., привнёс ряд инновационных черт во внешнюю политику Тегерана, таких как защита ислама и мусульман, шиитов в частности, а также «экспорт» Исламской революции и другие.

Геополитический подход обусловлен географическим положением Ирана и балансом сил, который сложился в регионе в XIX-XX вв. В условиях «большой игры» между Британской и Российской империями, а затем противостоянием СССР и США, Иран стремился балансировать между двумя сверхдержавами,

сохраняя нейтралитет и защищая свой суверенитет. Данная концепция нашла отражение в лозунгах Исламской революции, а также во внешнеполитической стратегии новой власти.

«Консерваторы» делают акцент на идеологический фактор, тогда как геополитическому придается второстепенное значение, «реформаторы» — наоборот. Каждая из групп предлагает свои методы для достижения тактических целей, что делает внешнюю политику государства достаточно гибкой. При этом сохраняется единство в отношении стратегических целей — защиты суверенитета страны, укрепления его экономической и военной мощи, расширения сферы влияния Ирана в регионе.

Нахождение у власти «консерваторов» или «реформаторов» обуславливает и периодизацию эволюции внешнеполитической стратегии Ирана. Процесс принятия ключевых решений находится под контролем «духовного лидера», что обеспечивает преемственность и последовательность во внешней политике.

3. Ирано-иракские отношения являются приоритетным направлением иранской внешней политики во второй половине XX в. и в XXI в. вне зависимости от уровня взаимоотношений между странами, что обусловлено их географическим положением, а также тем фактом, что в Ираке располагаются святыне для шиитов места, а также крупные шиитские религиозные школы (медресе).

Не менее значительным являлся и курдский фактор, который Тегеран пытался активно использовать вплоть до свержения режима С. Хуссейна в 2003 г., произошедшего вследствие американского вторжения.

Свержение суннитской правящей верхушки и приход шиитов к власти создали благодатную почву для усиления политического влияния Исламской Республики.

Кризис созданной американцами политической системы Ирака, коррумпированность, зависимость от Вашингтона новой политической элиты лишь усиливали данную тенденцию.

Внутриполитический кризис, приведший к переходу внутренних конфликтов в стадию гражданских столкновений, сопровождавшихся захватом северных областей страны силами террористической организации «Исламское государство Ирака и Леванта», позволил Ирану создать на территории Ирака лояльные военно-политические организации, которые оказывают существенное влияние как на внутрииракские, так и на региональные политические процессы, в частности поддерживая сухопутный коридор в Сирию и Ливан.

4. Ирано-сирийское партнёрство развивалось на основе геополитических факторов, сближающих оба государства, основным из которых являлось противостояние Израилю.

Для Р. Хомейни поддержка Палестины против Израиля была важным идеологическим рычагом, позволявшим «экспортировать» его идеи в другие мусульманские страны, а также повышавшая популярность Исламской Республики среди мусульман в целом, вне зависимости от их конфессиональной принадлежности к шиитам или суннитам.

Начиная с середины 1980-х гг., поддерживаемая Ираном военно-политическая организация «Хизбалла» при поддержке сирийской армии и спецслужб успешно боролась с израильским влиянием в Ливане, к началу 2000-х гг. ликвидировав последний оплот союзников Тель-Авива на юге страны.

При этом, роль Исламской Республики в нём постепенно трансформировалась с подчинённой на доминирующую. Гражданская война, начавшаяся в Сирии в 2011-2012 гг., привела к тому, что влияние Ирана на правительство Б. Асада качественно возросло и стало для последнего жизненно необходимым, постольку, поскольку само существование сирийского правительства зависело от военной и финансовой помощи со стороны Тегерана, включая непосредственное присутствие иранских войск на сирийской территории.

Вступление в сирийский конфликт России на стороне Асада изменило внутриполитическую конфигурацию и имело для Ирана как положительные,

так отрицательные стороны. С одной стороны, выживание сирийского режима было для Ирана стратегически необходимым и эта задача была достигнута, но, с другой стороны, Тегеран утратил монопольное право влияния на сирийское правительство.

Теперь все серьезные шаги, связанные с послевоенным устройством Сирии необходимо будет согласовывать с Москвой. Более того, Россия получила возможность непосредственно контактировать с ливанской «Хизбаллой», что предоставило ей дополнительные рычаги влияния на Ливан и Израиль.

Несмотря на это, влияние Ирана, в особенности его военное присутствие на территории Сирии, сочетаемое с наличием лояльных военнизированных групп в Ираке, создает беспрецедентные возможности для создания военной инфраструктуры, направленной на сдерживание Израиля, что, в свою очередь, предоставляет Тегерану возможность качественно повысить свою роль в региональных политических процессах.

5. Йемен стал приоритетным направлением внешней политики Ирана лишь после военного вторжения туда коалиции стран ССАГПЗ, возглавляемой Саудовской Аравией в 2015 г. Сотрудничество Тегерана с йеменскими повстанцами (хуситами) изначально носило прагматический характер, ограниченный дипломатической, военно-технической и, возможно, некоторой финансовой поддержкой.

Роль Ирана в организации поставок вооружений в Йемен полностью отрицать нельзя, однако объем военной помощи и численность военных советников/инструкторов оценить не представляется возможным. Однако он не сравним с Сирией и Ираком.

В политическом отношении хуситы независимы от Ирана. Их высокая мотивация к сопротивлению, проведение ими ряда успешных диверсионных операций на территории Саудовской Аравии позволили им избежать военного поражения.

В то же время, именно серьёзные просчёты руководства Саудовской Аравии, планировавшего провести быструю и победоносную военную операцию, способствовали ослаблению темпа наступательной операции, углублению противоречий в просаудовской коалиции и, в конечном счёте, замораживанию конфликта и перехода сторон к дипломатическому урегулированию конфликта.

Военные неудачи регионального соперника Ирана — Саудовской Аравии, сыграли в пользу ослабления поддержки политики Эр-Рияда со стороны стран-участников ССАГПЗ, усиления влияния Исламской Республики, что проявилось в восстановлении дипломатических отношений Тегерана с некоторыми из них, а также началом ирано-саудовских переговоров о восстановлении дипломатических отношений.

6. Во внешнеполитической стратегии США Иран после 1979 г. обозначался как угроза. Тем не менее, подходы к двухсторонним отношениям у представителей демократической и республиканской партий значительно отличались.

Первые предпочитали применять «мягкую силу» для стимулирования нужной Вашингтону реакции Тегерана, тогда как республиканцы делали акцент на «жесткой силе», не оставляя планов по свержению иранского режима, в том числе и путём военной интервенции.

Противоречия между демократами и республиканцами осложнялись активностью израильских и просаудовских групп влияния, которые выступают на стороне республиканцев и выступали за наиболее жесткую политику Вашингтона по сдерживанию Ирана.

Внутриполитическая борьба в США оказывает значительное влияние и на внутрииранские политические процессы, способствуя приходу к власти «консервативного» или «реформистского» президента.

Политике США в отношении Ирана в XXI в. присуща противоречивость и непоследовательность. Наиболее яркий пример — ядерная сделка, которая

была заключена в 2015 г. с большими усилиями по согласованию позиций со стороны всех участников переговоров, во том числе других глобальных акторов — Китая и России, но 2018 г. Вашингтон в одностороннем порядке вышел из соглашения, восстановив все действовавшие до его вступления санкции в отношении Тегерана. Затем президент Дж. Байден в 2021 г., снова инициировал переговоры о восстановлении сделки.

Такая политика привела не только к ухудшению ирано-американских отношений, падению в Иране популярности президента-«реформатора» Х. Рухани, но и к охлаждению отношений с традиционным союзником Вашингтона — Саудовской Аравией.

7. После революции 1979 г. СССР и КНР рассматривались иранским руководством более как угроза суверенитету и внешнеполитическим целям Исламской Республики, в частности из-за глобальных амбиций Москвы.

Однако к концу 1980-х гг. ситуация начинает меняться. Далее отношения с Москвой и Пекином развивались по восходящей. Сферы сотрудничества с обеими странами были схожими: военно-техническая, топливно-энергетическая, информационных технологий, связи и транспорта.

Сближались и политические интересы России и КНР в регионе. Для обеих стран господство США — неприемлемо, при этом для Китая, в отличие от России наличие надежных источников поставки углеводородов в лице стран ССАГПЗ (прежде всего — Саудовской Аравии) является вопросом стратегическим.

Отличие ирано-российских отношений от ирано-китайских, заключалось и в том, что в первом случае преобладал геополитический фактор, а во втором — экономический.

Так, масштабы ирано-российского экономического сотрудничества уступали ирано-китайскому. Однако помощь России в сохранении сирийской государственности, ликвидации оплотов террористических группировок «Джабхат ан-Нусра» и «Исламское государство», а также поддерживаемой

США и ЕС «умеренной оппозиции» в Сирии, поставки вооружений Ираку, в значительной мере, способствовала сохранению и укреплению влияния Ирана на Ближнем Востоке.

Обострение противостояния Китая и России с США их союзниками способствует сближению позиций Москвы и Пекина по глобальным геополитическим вопросам, переходу российско-китайских отношений на новый уровень, а также усилению поддержки Исламской Республики, как надежного регионального партнёра.

Апробация результатов работы и степень достоверности. Основные положения и результаты исследования отражены в 7 работах, из них – в 4 статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук. Результаты настоящего исследования были апробированы в ходе Международной научной конференции «Актуальные проблемы глобальных исследований: формирование полицентричной модели современного мироустройства» (МГУ имени М.В.Ломоносова, 2016 г.), V Международном научном конгрессе «Глобалистика-2017» (МГУ имени М.В.Ломоносова, 25-30 сентября 2017 г.), International relations '16/International Conference on International Relations Studies (Istanbul, DAKAM, 2016 г. International relations '17/International Conference on International Relations Studies (Istanbul, DAKAM, 2017 г.). Данные публикации подтверждают высокую степень достоверности результатов диссертационного исследования.

Структура работы определяется последовательностью целей и задач исследования. Диссертация состоит из введения, трёх глав, включая семь параграфов, заключения, библиографии, включающей 501 наименование. Общий объем работы составляет 330 страниц.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, определяются предмет и объект, характеризуется степень научной разработанности проблемы и эмпирическая база исследования, формулируются цель и задачи, излагается методологическая основа работы, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость, а также апробация полученных результатов.

В Главе 1. «Формирование внешнеполитической доктрины Ирана после революции 1979 г.» проводится анализ роли религиозной идеологии в формировании политической системы Ирана после Исламской революции 1979 г., выявляются специфические черты внешнеполитической доктрины.

В первом параграфе рассматривается процесс формирования идеологической базы революции 1979 г., что тесно связано как с общими процессами развития исламской политической мысли на протяжении 14-ти веков, так и с особенностями развития ислама в Иране и спецификой иранского шиитского духовенства.

Почва для исламской революции в Иране была подготовлена в 1960-е гг. («Белая революция»), когда шах решил проводить кардинальные внутривнутриполитические, экономические и социальные реформы, направленные на модернизацию общества и переход к модели западного типа государства.

Активное внедрение чужеродных ценностей не могло не вызвать отрицательной реакции местного населения, которое поддержало идею Р.М. Хомейни относительно возврата к вполне родным и понятным исламским традициям. Так, были созданы предпосылки именно для исламской революции и в последующем формированию государственной системы на основании традиционных исламских шиитских ценностей.

Адаптивным элементом, который был заимствован у западной демократической системы правления — наделение народа правом выбора и

разделение властей, образование четкой системы государственных институтов (1902-1989).

Однако даже среди революционных сил не было единого и четкого понимания места религии в будущем Ирана, что привело к формированию двух групп влияния, которые можно условно обозначить «максималистами» (Р.М. Хомейни, М.Х. Бехешти, Р.М. Хомейни, М. Мотаххари) и «минималистами» (С.М. Талегани, М.К. Шариатмадари, А. Банисадр, М. Базарган).

Во втором параграфе рассматривается специфика внешнеполитической доктрины Ирана. Внешнеполитическая доктрина Исламской Республики, с одной стороны, сохранила традиционные для страны алгоритмы, такие как независимость и дистанционирование от мировых полюсов силы, балансирование между ними, а с другой – приобрела новые черты. Революция ставила перед собой задачи окончательного освобождения страны от иностранного влияния и обретения подлинной независимости.

Иран не признал биполярной системы мироустройства, с присущей ему борьбой между Большим (США) и Малым Сатаной (СССР), и настаивал на его изменении, которое понималось как свобода следованию «третьему» или своему исламскому пути. Также Иран не признал и модель однополярного мира во главе с гегемоном США.

Рассматривая воплощение в жизнь внешнеполитической стратегии Ирана в 1979-2021 гг., можно выделить **пять завершенных периодов (этапов)**. Переход от одного периода (этапа) к другому обусловлен изменением соотношения сил между «идеалистами» и «прагматиками». В государственном механизме Исламской Республики это отражается в политической программе президента, который как правило является проводником политики одной из вышеописанных групп влияния. Вторым важным индикатором соотношения сил является распределение мест в парламенте — Маджлисе.

1. В период 1979 г. по 1989 г. наблюдается тенденция к обострению отношений как с соседями по региону, так и нерегionalными акторами, что

было связано с желанием выйти из-под колониальной зависимости от стран Запада и СССР.

2. Период с 1989 г. по 1997 г. отмечен правлением «умеренных идеалистов» в частности в лице президента А. А. Хашеми-Рафсанджани, который попытался преодолеть сложившуюся изоляцию.

3. Период с 1997 г. по 2005 г. проходил под президентством «реформатора» М. Хатами и отмечен сближением со странами Запада. В этот период налаживается сотрудничество с США, в частности, в отношении борьбы с террористами в Афганистане после событий 2001 года.

4. Период с 2005 г. по 2013 г. отмечен реваншем «идеалистов» во главе с М. Ахмадинежадом. Его приход был вызван необходимостью жестко отстаивать возможную интервенцию со стороны США и их региональных союзников. Именно в этот период происходит нарастание международного скандала вокруг «ядерной программы» Ирана, который умело используется Тегераном для создания образа «борца» с несправедливым американоцентричным миропорядком.

5. Фиаско «силовой» внешней политики «идеалистов» привела снова к власти «прагматиков» с 2013 года по настоящее время во главе с Х. Роухани. Исходя из сложившихся жестких санкционных внешнеполитических условий, в которых вопрос интервенции не снят с повестки дня, его политику можно назвать гибридной, которая пытается сочетать дипломатичность и гибкость «прагматиков» с жесткостью «идеалистов» в том, что касается жизненно важных интересов Ирана.

В Главе 2. «Роль Ирака, Йемена и Сирии во внешнеполитической стратегии Ирана» рассматриваются особенности политической трансформации Ирака и перспективы создания предпосылок для его сближения с Ираном; проводится анализ гражданской войны в Сирии, исследуется в связи с этим процесс усиления иранского влияния в стране; рассматриваются возможности корректировки внешнеполитической стратегии Ирана в связи с

вторжением просаудовской коалиции в Йемен.

В первом параграфе рассматривается эволюция ирано-иракских отношений. Отмечено, что Ирак являлся и продолжает оставаться ключевым направлением во внешней политике, как шахского Ирана, так и Исламской Республики.

На протяжении пяти этапов развития иранской внешней политики ирано-иракские отношения претерпели радикальные изменения от вражды до тесного сотрудничества. Описывая динамику эволюции политического влияния Ирана в Ираке можно заключить, что оно существенным образом возросло, как возросла и экономическая зависимость Багдада от Исламской Республики. Также резко усилилась кооперация между двумя странами в сфере обороны и безопасности.

Во втором параграфе рассматривается внешняя политика Ирана в отношении Сирии, которая также отличалась значительной спецификой. В частности она во многом определялась отношениями между Тегераном и Дамаском с одной стороны, и Дамаском и Багдадом – с другой.

Таким образом, Сирия превратилась в геополитический инструмент Тегерана, с помощью которого он получил возможность максимально истощить своих противников (США, Саудовская Аравия, Катар), которые вкладывали значительные денежные и военные ресурсы в поддержку вооружённой оппозиции.

В третьем параграфе рассмотрена политика Ирана в отношении Йемена. До 1979 г. определяющей была блоковая солидарность Ирана с США и Великобританией, после Исламской Революции доминирующую роль стал играть «шиитский» фактор, имевший, в данном случае серьёзную специфику, так как религиозная доктрина шиитов-зейдитов Йемена значительно отличается от иранской.

В связи с активным противостоянием между Ираном и Саудовской Аравией в Сирии, йеменские повстанцы стали представлять интерес для

Исламской Республики, как возможный рычаг влияния на Эр-Рияд и его союзников. При этом, объем иранской военной и экономической помощи хуситам являлся весьма скромным и не оказал существенного влияния на ход боевых действий.

В конце ноября – начале декабря 2018 года в Стокгольме начались опосредованные переговоры между представителями коалиции и хуситами, которые привели к заключению соглашения о взаимном выводе войск из г. Ходейда и ряда других портов Западного Йемена. Однако Иран вряд ли полностью откажется от поддержки йеменских повстанцев.

Глава 3. «Внешняя политика Ирана в глобальном контексте» посвящена анализу причин и последствий усиления конфронтации Ирана с США, Израилем и Саудовской Аравией и детальному изучению перспектив создания нового регионального полюса силы в результате сближения Ирана, России и Китая.

В первом параграфе рассматриваются отношения Ирана и США, а также их ключевых союзников в регионе — Израиля и Саудовской Аравии.

На протяжении всех пяти этапов развития иранской внешнеполитической стратегии, ирано-американские отношения определялись в основном внутривосточной ситуацией в США, а также геополитическими интересами их ближайших союзников – Израиля и Саудовской Аравии.

Кто бы ни приходил к власти в Тегеране, «идеалист» или «прагматик», каковой бы ни была его риторика, Вашингтон действовал исходя из собственных интересов. Восприятие американским истеблишментом США, как единственной и уникальной мировой державы, ещё более усугубляли ирано-американское противостояние.

Во втором параграфе рассматриваются ирано-российские и ирано-китайские отношения.

Прослеживается тенденция к сближению Ирана, как с Россией, так и с Китаем. При этом российско-иранские отношения в значительной степени

продолжают зависеть от отношения Москвы и Вашингтона, тогда как ирано-китайские отношения стабильно развиваются. Однако усиление санкций в отношении Тегерана, связанных с его ядерной программой, привело к временному ухудшению двухсторонних отношений в большей степени с Россией, нежели с Китаем, хотя и в последнем случае товарооборот снизился.

Ирано-российские отношения отличаются большей интенсивностью в политической сфере. Так Москва неоднократно ветировала направленные против Ирана резолюции в СБ ООН по Сирии и Йемену, тогда как Пекин не всегда проявлял солидарность с Москвой в данных вопросах, предпочитая воздерживаться от голосования.

Усиление санкционного режима против России и начало американо-китайской торговой войны в 2018 г. сближает Россию и Китай, а также координацию их политики в отношении Ирана, где они имеют стратегические политические и экономические интересы. Поскольку Иран поддерживает дружественные отношения как с Россией, так и с КНР, являясь одним из основных бенефициаров такого сближения.

В заключении диссертационной работы содержатся основные выводы и прогнозы по теме исследования:

Политическая система Исламской Республики Иран построена на сочетании основных положений шиизма имамитского толка (веляят-е-факих), а также достижений исламского модернизма, переосмыслившего достижения Запада, таких как парламентская демократия, система сдержек и противовесов, социализм. Данная специфика определила особенности внешнеполитической доктрины Ирана, в основу которой были положены идеи имама Хомейни.

На вопрос о сочетании идеологического и прагматического фактора во внешней политике Ирана сложно ответить однозначно. Безусловно, идеология играла и продолжает играть значительную роль в политике Исламской Республики, однако учитываются и существующие геополитические и экономические реалии. При этом в независимости от того, приходили ли к

власти, «идеалисты» или «прагматики» внешнеполитический курс, оставался в пределах, заложенных Хомейни.

Иранская политика в Ираке, Йемене и Сирии, находилась под влиянием глобальных держав – США и Китая, а также в определённой мере СССР, а затем и России.

Ближневосточная политика Вашингтона оказала наиболее сильное воздействие на формирование внешнеполитической доктрины и стратегии Ирана на всех этапах её эволюции.

Во многом благодаря своим региональным амбициям и умению воспользоваться сложившейся ситуацией Ирану удалось не просто выжить на своем «исламском пути», но даже достичь очевидных успехов и претендовать на региональное лидерство.

Ирак, Йемен и Сирия будут оставаться стратегическими направлениями внешней политики Ирана в ближайшем будущем.

Ирак для Ирана всегда будет объектом пристального внимания относительно вопроса безопасности и целостности. В то же время Тегеран будет прилагать максимально возможные усилия для использования ресурса иракской шиитской общины в своих целях, но не в формате «экспорта революции», а союза двух независимых и равноправных государств.

Сирия будет оставаться важнейшим элементом региональной безопасности, сдерживающим Израиль, а значит и амбиции США. Кроме того, новые потребности сирийского правительства в восстановлении страны и крупных инвестициях создают условия для масштабного выхода иранских компаний на сирийский рынок.

Йемен – это возможно будущий плацдарм для более тесного военно-политического сотрудничества стран, в случае, если йеменские повстанцы (хуситы) смогут принять активную роль в послевоенном устройстве страны. Однако у Ирана, на сегодняшний день, просто нет достаточных политических и финансовых ресурсов, чтобы оказывать значительное влияние на политические

процессы в Йемене.

С геополитической точки зрения Исламскую Республику, в настоящее время следует рассматривать как элемент триады «сухопутных держав»: «Иран-Россия-Китай», противостоящих влиянию «морской» сверхдержавы США и её союзникам.

Развитие ирано-советского/российского и ирано-китайского сотрудничества связано с противодействием экспансионизму Вашингтона на Ближнем и Среднем Востоке. Тегеран был вынужден воспользоваться услугами Москвы и Пекина, особенно в тех областях, где Иран не обладал необходимыми технологиями. Такими сферами стали военно-техническая, нефтегазовая, атомно-энергетическая, транспортная. При этом ирано-российские отношения отличаются большей интенсивностью в политической сфере, а китайские – в торгово-экономической.

Несмотря на значительно возросшее влияние Ирана на Ближнем Востоке, его будущее по-прежнему зависимо от политики глобальных акторов. Тем не менее, Тегеран гибко применяет «жесткую» и «мягкую» силу, оставаясь верным собственному «исламскому» пути. В настоящее время Исламская Республика становится полноценным участником ШОС, БРИКС и ЕАЭС.

III. ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основные результаты, положения и выводы диссертационного исследования были опубликованы автором в семи статьях общим объемом 5,6 п.л.:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности и отрасли наук:

1. Ильина Ю.И. Эволюция внешнеполитического курса Ирана в свете президентских выборов в США в 2020 г. // Информационные войны. — 2021. — № 1. — С. 48-53. (0,7 п.л.) ИФ РИНЦ – 0,301.

2. Ильина Ю.И. Место и роль Ирана в китайской инициативе "Пояс и Путь". Политические и экономические аспекты // Информационные войны. — 2021. — № 2 (58). — С. 51-56. (0,7 п.л.) ИФ РИНЦ – 0,301.

3. Ильина Ю.И. Религиозно-политическое влияние Ирана в странах Персидского залива (на примере Бахрейна, Саудовской Аравии и Кувейта) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология. — 2016. — № 3. — С. 36-42. (0,7 п.л.) ИФ РИНЦ – 1,138.

4. Ильина Ю.И. Максималистский и минималистский подход к исламу в религиозно-философской мысли Ирана во второй половине XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология. — 2016. — № 4. — С. 86-94. (0,9 п.л.) ИФ РИНЦ – 1,138.

Статьи в журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России:

5. Ильина Ю.И. Роль Ирана в гражданской войне в республике Йемен. // Теории и проблемы политических исследований. — 2017. — № 1. — С. 165-

175. (1,2 п.л.) ИФ РИНЦ – 0,206.

6. Ильина Ю.И. Эволюция ирано-российских отношений в контексте сирийского конфликта // Свободная мысль. — 2018. — №4. — С.139-148. (0,7 п.л.) ИФ РИНЦ – 0,419.

7. Ильина Ю.И. Роль Курдского фактора в контексте ирано-иракских отношений // Свободная мысль. — 2019. — №1. — С.181-190. (0,7 п.л.) ИФ РИНЦ – 0,419.